

раничивается. Такие действия совершаются де-юре бюджетной организацией, поскольку центр является ее законным представителем, а де-факто – центром.

Договор будет двусторонним ввиду наличия встречных взаимных прав и обязанностей у центра и бюджетной организации; также договор консенсуальный, и ряд условий, включая вознаграждение центру, взаимосогласовываются; договор не будет публичным; полагаем, данному договору не свойственны элементы договора присоединения, поскольку условия договора формируются не центром в одностороннем порядке, а установлены законодательством. Как следствие, бюджетная организация в принципе не имеет возможности внести изменения в предложенный текст договора, поскольку они не допускаются законодательством, и соответственно реализация п. 2 ст. 398 ГК не представляется возможной.

Заключение. Договор об оказании услуг можно отнести к гражданско-правовому договору с элементами управленческого и организационного договора, предметом которого являются услуги, а на правовую природу оказывает влияние результат согласования сторонами договора условия о вознаграждении центра.

1. Волков, Ю.В., Вахрушева, Ю.Н. Комментарий к Федеральному закону от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» [Электронный ресурс] / отв. ред. Л.К. Терещенко // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Москва, 2020.

2. Гришаев, С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав [Электронный ресурс] / С.П. Гришаев // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Москва, 2020.

3. Иноземцев, М.И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств: Монография [Электронный ресурс] / М.И. Иноземцев // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Москва, 2020.

4. Гутников, О.В. Управленческие договоры в гражданском праве [Электронный ресурс] / О.В. Гутников // Договор как общеправовая ценность: Монография [Электронный ресурс] / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андриченко [и др.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Москва, 2020.

5. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Москва, 2020.

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ананьев С.С.,

студент 3-го курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Березко Д.В., старший преподаватель

Данная исследовательская работа посвящена теме правосубъектности искусственного интеллекта (далее – ИИ). Исследование данного вопроса имеет большое теоретическое и практическое значение. Развитие информационных технологий сегодня, достигло такого уровня, что, помимо технических, перед нами ставятся философские, моральные и самое главное правовые вопросы, выходящие за пределы привычного восприятия компьютерной техники и программного обеспечения. Интенсивность открытий в сфере кибернетики в целом превышает возможности общества осмыслить и адаптировать под свершившиеся открытия как систему ценностей, так и правовые системы.

Общемировой сегодня является проблема практически полного отсутствия нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирования основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий искусственного интеллекта. Особенно непроработанными, но наиболее важными, остаются вопросы, связанные с определением искусственного интеллекта с точки зрения гражданского права.

Стоит отметить, что именно юридический аспект функционирования ИИ наиболее плохо изучен, новые технологии постепенно ставят перед обществом все больше вопросов регулятивно-правового характера. Данная работа является шагом к вопросу о том, какая нормативно-правовая база нам необходима для использования систем на основе искусственного интеллекта. Исследование в дальнейшем может помочь определить место норм, регулирующих искусственный интеллект в системе белорусского права.

Целью исследования является раскрытие проблематики установления содержания правосубъектности искусственного интеллекта, а также углубленное изучение влияния автономных систем на существующие правовые устои.

Материал и методы. При проведении исследования были использованы общенаучные и частноправовые методы. Общенаучные: анализ, синтез, обобщение. К частноправовым можно отнести формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты и их обсуждения. Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь правоспособность – это способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) [1].

Одним из предлагаемых сегодня в научной литературе решений вопроса о правосубъектности юнитов искусственного интеллекта является введение специфической правосубъектности «электронного лица» (франц. – «personne électronique»).

Комиссия по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента 31.05.2016 предложила Еврокомиссии законодательно ввести новую правосубъектность «электронных лиц» для роботов с искусственным интеллектом, наделив таковые правами и обязанностями [3].

В подпункте «f» пункта 59 Резолюции Европейского Парламента вместе с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента 16.02.2017 «Нормы гражданского права о робототехнике» [2] была подчеркнута необходимость создания особого правового статуса («электронных лиц») для роботов в долгосрочной перспективе.

Проблема состоит в том, что на сегодняшний день нет внятных законодательно урегулированных ответов на вопрос о том, кто, на каких основаниях, при каких условиях, в какой мере и в каком порядке должен нести ответственность за ущерб, причинённый или спровоцированный:

- ошибкой (невиновным деянием), совершенной юнитом искусственного интеллекта, или иным дефектом его работы;
- производственными дефектами юнита искусственного интеллекта;
- взломом и/или несанкционированным перепрограммированием программной составляющей юнита искусственного интеллекта;
- поведением юнита искусственного интеллекта, аналогичным человеческому сумасшествию;
- непринятием юнитом искусственного интеллекта мер по предотвращению самоубийства человека, которые потенциально могли быть реализованы;
- действиями двух юнитов искусственного интеллекта, которым их статус позволяет выступать истцами в суде и которые встретились как разные стороны дела, по совместному злоупотреблению правом в судебном процессе, тем самым парализуя деятельность судебной инстанции.

Можно сказать, что законодательное закрепление правового режима функционирования и применения юнитов искусственного интеллекта должно включать не только гражданско-правовые, но и публично-правовые нормы; развитие положений об искусственном интеллекте в рамках существующих отраслей публичного права и законодательства может обусловить необходимость совершенствования, таких отраслей как, административное право, транспортное право, и внесение соответствующих изменений в законодательство.

При этом, по мнению Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента, до тех пор, пока юниты искусственного интеллекта, действительно, не станут обладать самосознанием, нормативное правовое регулирование должно рассматриваться как направленное своим регулирующим воздействием на разработчиков, производителей и операторов робототехники, поскольку эти нормы права не могут быть преобразованы в машинный код [4].

Заключение. В заключение стоит отметить, что на современном этапе развития технологий пока нет необходимых и достаточных оснований говорить о возможности признания поистине полной правосубъектности юнитов искусственного интеллекта, со-

ответственно, на наш взгляд, дальнейшее развитие законодательства в данной сфере в целях предотвращения вредных последствий их действий должно идти не по пути создания возможности привлечения таких систем к ответственности, а по пути обеспечения более детального контроля над действиями их разработчиков и операторов, разработки соответствующих нормативно-технических и программных стандартов. Вместе с тем, и вопрос о правосубъектности юнитов искусственного интеллекта, в перспективе должен получить законодательное решение.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г., No 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрено Советом Республики 19 нояб. 1998 г.: в редакции закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 №135-З// КонсультантПлюс. Беларусь., Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Резолюция Европейского Парламента от 16.02.2017 «Нормы гражданского права о робототехнике» // 2015/2103(INL). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html. – Дата доступа: 05.09.2020.

3. Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilization №103 of December 14.12.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp>. – Дата доступа: 05.09.2020.

4. Leenes R., Lucivero F. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2546759. – Дата доступа: 08.09.2020.

COVID-19 И РЫНОК ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Апенюк А.Г.,

*младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права НЦЗПИ Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь*

Научный руководитель – Чичина Е.В., кандидат юридических наук, доцент

«Мир труда серьезно пострадал от глобальной вирусной пандемии. Помимо угрозы общественному здоровью, COVID-19 сопутствуют экономические и социальные потрясения, от состояния которых напрямую зависит благосостояние людей» [1]. Такими словами Международной организацией труда (далее – МОТ) была дана краткая оценка ситуации на мировом рынке труда. Практически все государства в 2020 г. столкнулись с проблемой пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. В большинстве стран были приняты активные меры по борьбе с вирусом (самоизоляция, переход на дистанционный характер работы, установление запретов на посещение мест массового скопления людей и т.д.), которые отрицательным образом отразились на рынке труда.

Обусловленность текущего состояния спроса и предложения на труд, в зависимости от уровня распространения коронавирусной инфекции, была отмечена главой МОТ Гай Ридером [2]. В целях прогнозирования неблагоприятных последствий были представлены статистические данные относительно ожидаемого уровня безработицы. Так предполагалось, что в странах Латинской Америки сокращение человеко-часов составит 12,4%, в Европе – 10,5%, в других регионах – выше 9,5%. В среднем потеря дохода населения составит 60%, сокращение количества рабочих мест на уровне 305 млн. [3]. К сожалению, согласно данным последнего мониторинга «COVID-19 и мир труда» прогнозируемые ранее показатели оказались значительно выше ожидаемых [4].

В качестве основных вызовов, стоящих перед мировым рынком труда в условиях пандемии, можно обозначить: увеличение уровня безработицы; широкое использование неполного рабочего времени; проблемы обеспечения достойного уровня доходов и др.

Массовые высвобождения работников в отдельных сферах (туризм, гостиничный бизнес, сфера развлечений и т.д.) привели к значительному росту числа безработных. Наличие у таких граждан практически идентичного набора профессиональных характеристик обусловило, в большинстве случаев, невозможность рынком труда обеспечить всех безработных той работой, которая отвечала бы их квалификационным требованиям. Также кризисная обстановка оказала непропорциональное воздействие на отдельные